А. М. Рот. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. — Budapest, Akadémiai Kiadó, 1973. 573 стр.

Работа А. М. Рота представляет собой первое значительное научное исследование в области венгерско-славянских контактов. Опираясь как на собственные наблюдения, так и на работы советских лингвистов, А. М. Рот убедительно доказывает, что в истории венгерского языка имели место широкие контакты с восточнославянскими языками, оказавшие, подобно контактам с южно- и западнославянскими языками, глубокое влияние на развитие и словарный состав венгерского языка.

Книга А. М. Рота состоит из введения, трех глав, в которых затрагивается история вопроса, рассматриваются лингвистические источники и устанавливаются принципы этимологического анализа, а также пяти глав, посвященных обстоятельному анализу венгерско-славянских контактов на протяжении почти двенадцати столетий.

Автор считает наиболее важным при изучении языковых контактов детальное исследование конкретных явлений взаимодействия различных языков и диалектов (стр. 21). Во введении (стр. 13—25) эксплицируются основные понятия и положения монографии. Так, возражая против объяснения младограмматиками и их последователями развития языка на основе принципов линейной каузальности, А. М. Рот утверждает, что «развитие языка обеспечивается сложным механизмом взаимодействия ряда внутрilingвистических и внеязыковых факторов» (стр. 14). Среди внеязыковых факторов исследователь называет лингвистическую интерференцию, под которой понимает результат языковых контактов. Нам представляется, что под языковой интерференцией следует понимать не только результат изменения языковой нормы под влиянием элементов других языков, но и сам процесс такого изменения¹.

Первая глава (стр. 27—91) монографии представляет обстоятельный критический обзор истории исследовательской работы в области венгерско-славянских контактов. Можно согласиться с мнением рецензентов², считающих, что мысли А. М. Рота о принципах этимологизирования венгеризмов в славянских языках и славянизмов в лексике венгерского языка (с древних времен, т. е. начиная с так называемого «паивного» этимологизирования XVIII—XIX вв.) являются ори-

гинальными, интересными и научно обоснованными.

Автор старается отбросить все ненужное, устаревшее и в то же время выделить рациональное зерно в работах своих предшественников. Указывая на заслуги И. Добровского, который первым отметил, что многие славянизмы были заимствованы венграми до прихода в Паннонию и Карпатский бассейн (до 896 г., т. е. в то время, когда они жили вместе с восточнославянскими племенами на территории южной части России и Украины), А. М. Рот констатирует, что И. Добровский эту мысль ничем не аргументировал (стр. 34). Внимательно анализируя споры о происхождении славянских заимствований в венгерском языке в трудах О. Ашбота, Я. Мелиха, И. Книежи, Б. Мункачи и др., автор считает, что полемика О. Ашбота (1852—1920) и Б. Мункачи (1860—1937) привела к появлению плодотворной мысли Б. Мункачи о том, что большое количество славянизмов было заимствовано венграми еще до обретения ими родины. К сожалению, догадка Б. Мункачи не была аргументирована и осталась почти неизвестной науке. Шагом вперед в этом отношении следует считать утверждение Я. Мелиха, что источником славянизмов в лексике венгерского языка послужили различные славянские языки. В книге И. Книежи (1895—1965)³ дается основательный научный анализ славянизмов венгерского языка, хотя, по справедливому замечанию проф. К. Е. Майтинской⁴, в указанной работе автор в $\frac{2}{3}$ этимологий не дает конкретной информации о том, из какого славянского языка они были заимствованы венгерским языком. В то же время автор в некоторых случаях дает ошибочные этимологии, не соответствующие современному уровню науки. И. Книежа пишет о данных словах лишь то, что они заимствованы из какого-то славянского языка, А. М. Рот же указывает на то, что в большинстве случаев можно установить их происхождение из украинского языка.

Ошибкой И. Книежи и его учеников следует считать также игнорирование материала диалектов, тогда как А. М. Рот использует в своей работе не только литературный, но и диалектный материал многих древних и современных языков, что придает его работе особую убедительность.

Закачивая критический анализ большого числа работ, посвященных изучению

¹ Ср.: J. Juhász, Probleme der Interferenz, Budapest, 1970.

² Zimorja M., Bobinec Sz., Egy értékes kiadványról, «Kárpáti Igaz Szó», 14 III 74.

³ См.: Kniezsa J., A magyar nyelv szláv jövevényszavai, Budapest, 1955.

⁴ Maitinskaja K. E., Uj mű a magyar-keleti szláv nyelvi kapcsolatokról, «Kárpáti Igaz Szó», 25 XII 73.

истории венгерско-славянских и славяно-венгерских языковых контактов, автор отмечает, что лингвистам так и не удалось установить истинную картину венгерско-восточнославянских межязыковых связей (стр. 90) вследствие ошибочности исходных позиций историографии, долгое время вообще не признававшей существование венгерско-восточнославянских контактов. Даже величайшие исследователи не могли освободиться от ошибочной концепции историков, неправильно оценивавших экстралингвистические факторы.

Вторая глава книги (стр. 93—101) представляет собой перечень огромного количества лингвистических источников, использованных автором. Это диалектологические и региональные словари, рукописи, венгерские документы XVI—XIX вв., собственный диалектологический материал, собранный в 18 населенных пунктах Закарпатья, произведения различных жанров венгерской литературы, материалы венгерских газет и журналов 1917—1967 гг., материалы многочисленных картотек.

Третья глава (стр. 103—161), посвященная этимологическому анализу восточнославянских элементов в лексике венгерского языка, является одной из самых значительных теоретических частей монографии. Она и вне данной работы представляла бы большую ценность. В то время как некоторые лингвисты говорят о кризисе традиционной этимологии, А. М. Рот дает блестящий образец этого «искусства» (ср.: «etymologica ars est» — стр. 104) и смело опровергает остроумный, но неверный афоризм А. Мейе, согласно которому все хорошие этимологии уже выведены, а не найденные до сих пор не являются достоверными. А. М. Рот выделяет три аспекта этимологического исследования: генетический, ареальный (или маргинальный) и типологический, каждый из которых в большей или меньшей степени требует привлечения экстралингвистических факторов. Так, доказательством того, что слово *borona* «борона» в венгерском языке восточнославянского, а не южнославянского происхождения, автор видит и в том факте (помимо внутриязыковых факторов), что в период контактов с восточнославянскими племенами для венгров был характерен такой тип земледелия, при котором применялась борона (стр. 106).

Выделив шесть внутриязыковых (семантический, фонетический, лингвогеографический, морфологический, словообразовательный и хронологический) и шесть экстралингвистических (данные археологии, истории, антропологии, этнографии, фольклора и психологии) критериев, автор подробно останавливается на каждом из лингвистических критериев. Интересными и новыми можно считать

наблюдения исследователя. Отмечается, в частности, что венгерский язык применял в процессе ассимиляции славянизмов эпентезу для устранения скопления согласных в начале слова лишь тогда, когда корневой гласный заимствования характеризовался верхним подъемом (например, др.-русск. *кречеть* > венг. *keresztel*).

Метатеза же использовалась в тех случаях, когда корневой гласный характеризовался верхним подъемом, например, слав. *ključ* > венг. *kulcs* (стр. 138—139) и т. д.

Необходимость учета лингвогеографических критериев, по мнению автора, становится особенно очевидной в тех случаях, когда фонетические и семантические критерии не дают возможности для установления источника венгерских славянизмов, когда необходимо глубже раскрыть результаты языковой интерференции на различных уровнях контактирующих языков (стр. 143).

При решении вопроса о том, «заимствованием какого языка следует считать ту или иную лексему, — языка, из которого она непосредственно заимствована или проникла (т. е. языка-посредника. — И. Б.) или языка, к которому генетически восходит» (стр. 152), — А. М. Рот предлагает опереться на теорию глобального этимологического анализа А. Граура, которая дает возможность отличать исторический источник заимствования от генетического (стр. 154).

Четвертая глава «Древневенгерско-древнерусские маргинальные и интра-региональные языковые контакты» (стр. 161—254) рассматривает самые ранние свидетельства о наличии таких контактов. Исследования А. М. Рота позволили внести поправки как хронологического, так и фактического характера в те сведения, которые имелись до сих пор. Так, автору удалось доказать, что пребывание венгров на территории Башкирии было менее продолжительным, чем предполагали другие исследователи; что вплоть до обретения венграми родины (т. е. до 896 г.) их контакты с племенами восточных славян не порывались. Таким образом, эти контакты начались на 200 лет раньше, чем до сих пор было принято считать.

Автор тщательно анализирует те венгерско-восточнославянские контакты, которые относятся ко времени заселения Карпатского бассейна и Паннонии венгерскими племенами. В связи с этим А. М. Рот выделяет тематические группы лексики венгерского языка (из области земледелия, рыбной ловли, животноводства, этнонимии, гидронимии и духовной культуры и др.), заимствованные из древнерусского языка (стр. 195—248). Древнерусское происхождение большинства этих слов до сих пор не было известно. В процессе этимологизирования автор вскрывает много нового: например,

ему удалось установить до сих пор не зафиксированное время некоторых фонетических процессов (полногласия, лабиализации и т. д.).

Пятая глава «Старовенгерские маргинальные и интрарегиональные языковые контакты» (стр. 255—269) освещает вопросы, связанные с более поздними маргинальными и интрарегиональными контактами венгерской и восточнославянской этнических групп на новой территории Карпатского ареала и вопросы лингвистической интерференции этих контактов.

Шестая глава «Венгерско-украинские маргинальные и интрарегиональные языковые контакты» (стр. 271—364) представляет собой анализ лексико-семантических микроструктур различных тематических групп (названий профессий, административных органов; животных, рельефа местности; терминов экономики, политики, религии, духовной культуры; рыбной ловли и т. д.). Результатом многовековых венгерско-украинских контактов явилось не только заимствование большого количества лексических единиц, но и лингвистическая интерференция на других уровнях: фонетическом, фонологическом, синтаксическом, и словообразовательном.

Содержательная, интересная, богатая наблюдениями и выводами седьмая глава «Венгерско-украинский и украинско-венгерский билингвизм в Закарпатье (УССР)» (стр. 365—419) посвящена вопросам венгерско-украинского и украинско-венгерского билингвизма в Закарпатье. О сущности двуязычия по сей день не существует общего мнения среди лингвистов. Некоторые из них рассматривают билингвизм как одну из стадий языкового смещения, языкового сращения. Подобный взгляд автор считает ошибочным при исследовании анализируемого явления. В отличие от своих предшественников, в работах которых психологический аспект билингвизма занимал доминирующее положение, автор основной упор делает на лингвистический аспект проблемы, привлекая психологические факторы лишь в той мере, в какой они могут помочь раскрыть характер билингвизма (стр. 368). С другой стороны, ученый считает необходимым исследовать еще один почти не изученный аспект проблемы: социальную значимость билингвизма.

В результате изучения работ других ученых, собственных наблюдений и анализа речевого материала А. М. Роту приходит к выводу, что собственно лингвистические пути развития двуязычия диктуются сложными процессами интерференции систем первого и второго языков (стр. 381—382), причем сила воздействия языковой системы одного языка на другой зависит как от типа билингвизма,

интенсивности и динамики процесса интерференции, так и от действия других экстралингвистических факторов (стр. 382). Если билингв владеет обеими языками в совершенстве, явления интерференции выступают в меньшей степени, но даже в таких случаях билингв иногда использует целые словосочетания из другого языка.

Анализируя особенности венгерско-украинского и украинско-венгерского билингвизма на лексическом уровне, приводя статистические данные и сопоставляя результаты исследования, автор констатирует, что в последнее время несколько более сильное влияние украинского языка на венгерский (а не наоборот) проявляется особенно в области общественно-политических и административных отношений, что объясняется ридом экстралингвистических факторов.

В связи с анализом лексического уровня билингвизма автор затрагивает и некоторые теоретические и практические вопросы, связанные с калькированием.

Всестороннее изучение билингвизма, не только венгерско-украинского и украинско-венгерского, но и немецко-украинского, немецко-венгерского, румынско-украинского, румынско-венгерского и словацко-украинского, на всех языковых уровнях позволяет А. М. Роту сделать обоснованный вывод о том, что, в отличие от монолингвизма, в условиях билингвизма все уровни языков взаимопроницаемы.

Хотя, как уже было сказано, венгерско-восточнославянские контакты имеют многовековое прошлое, самые многосторонние связи между этими народами установились в XX в. Решающими были три события: 1) Великая Октябрьская социалистическая революция; 2) образование Венгерской Советской Республики в 1919 г. и 3) освобождение Венгрии от фашистских захватчиков в 1945 г. Немаргинальные венгерско-восточнославянские контакты являются предметом анализа восьмой главы «Венгерско-восточнославянские немаргинальные языковые контакты» (стр. 421—457). Большое внимание уделяется рассмотрению венгерско-украинских и венгерско-русских языковых контактов после Великой Октябрьской социалистической революции.

В конце монографии А. М. Роту приводится обширная библиография. Можно согласиться с мнением К. Е. Майтинской, подчеркнувшей в своей статье, что автор является хорошим знатоком советской и зарубежной литературы по изучаемой теме. Его работа обогащает не только русистов, но и общее языковедение и будет полезна специалистам как в области общей лингвистики, так и в области угрофинских и славянских языков.